

Хелга Ольшванг

СКАТЕРТЬ АРКАДИИ

•

Первоначально были мотыльки
и били в лампы,
да шаркали по потолку,
смыкались в ромбы.

По метроному метроном
ходил на лапках,
и были собранные там,
в обложках ломких

брошюрки, книжицы в мелу,
в себя самих же
вникающие на полу.
А изнемогших

от этой толкотни, ждало,
и, в общем, скоро,
распахнутое, как стекло,
пятно, могила.

Но это все потом, потом,
первоначально —
смешно, чудесно было им,
японским мотылькам на черном.

●

Снопы: не видела их,
никогда не вязала и не везла,
не спала под ними,
не жила тогда, когда они были ручными,
когда были посев и жатва,
когда вытирали серпы о рубахи,
когда уминали жратву, зачинали детей под снопами,
укрывали во время снега
снопы, расстилали и молотили,
писали маслом
со стороны, по ту сторону рам и сословий, холста, и когда они были,
я не была, а тогда
как же я знаю
как это бывает, когда по частям срезают,
сгребают в охапку, пучок за пучком, выбивают зерна из гнезд,
развеивают, как плывет и запотевают
синее поле без нас.

●

Как это выглядело
с нашего места, тесного для одного,
не то, что двоих:
бесконечной East River венозные воды, нога
в неге
указывала на юг,

и речной остров тощих
случайных ветел, срамных кустов
темнел на севере, как передатчик
волны, а она уплывала, его задев.

Нет, это было нечто —
чудовище, на покрове дня

растянутое, надежда
это была перед нами,
сидевшими, как одно,

напротив ООН, на каменном спуске
перед рекой, перед рекой большой.
Вот как выглядели мы из окон, на фоне близкой
войны, плотно сдвинутые еще.

косое зеркало рябит
узор навывпуск
статейки мирный шум работ
ракеты запуск
внахлест на содранной стене
газет под ними
сходящихся прошла страна
в отдельном доме
на Марсии краснела жизнь
подкожных связок
артерий смотанная шерсть
слеза и воздух

ОДА КРОТОСТИ

О доблести заколотых животных,
о подвигах молниеносных птиц,
о славе рыб- первопроходцев —
ни слова нет о них.
Растрескалась в конец
на льдины и кусты моя земная рама,
но помнится стихом.
Нет никакой судьбы у человека, кроме
как быть никем.

Лицом лица. Поверхности изложет
свет выдержки, черты затопит блик.
Приметы памяти.
Накопленное в гаджет.
Два фонаря. Аптека. Пищеблок.
О, лучше тем, кто сам себе не пара —
бессловным существам без окон — без дверей.
Смотрю, как шерсть летит, и чешуя, и перья
в микстурах фонарей.

Скатерть Аркадии
на которой
ставили было в прекрасном садовом порядке
статуи тусклые вазы деревьев
блюда озер и скамейки

на драной Аркадии вспыхивали фонтаны
и оседали хрустальные хлебцы
в супнице валкую тень высыпала рука
дворясь
расплывалась гримаса

яблока и вытирали нож
краем
вытирали о край
уже потемневший
рюмки зимних домов снижались на полотно
вышитое крестом
самолеты по ней еще пробегала рябь

пробегала оса
медленная голубая руина
гортензии рушилась
на глазах
укоризненно

Осенью под столами воды
соприкасались коленями и ладонями
скидывали украдкой обувь
любовница и любовник аркадские пастухи я и ты
яблоко закатывалось ополоумев

ныряли за ним
ныряли за ним задирали дно
Аркадии в узелках изнанка
ее шевелилась над нами как знамя проросшее
как пелена родовая сумка

сложим теперь
и уберем
не поместится в ящик дорога
отыщем
в море пещеру
большую берлогу под камнем
для нее для нее